

Вопросы территории

К ИСТОРИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО И ГОСУДАРСТВЕННОГО СТАТУСА ГОРОДА, ПОРТА И ВОЕННО-МОРСКОЙ БАЗЫ СЕВАСТОПОЛЯ (1783—1996 гг.)

В.В. Похлебкин *

Оживленное обсуждение в СМИ того положения, которое сложилось в Крыму и на Черноморском ВМФ, привело к появлению ряда разноречивых и, как правило, некомпетентных высказываний, принадлежащих общественным и официальным деятелям, занимавшим ответственные посты в своих странах, но не имевшим никакого представления и отношения к возникшим геополитическим и военно-морским проблемам.

Эти высказывания, обычно крайне примитивно и безграмотно комментируемые или «дополняемые» прессой, не только не прояснили ситуации в целом для широкой общественности, но и еще более усложнили и запутали подлежащие обсуждению вопросы.

Вот почему ныне требуется прежде всего объективная экспертиза всего комплекса крымских проблем, и в частности выяснение правового статуса Севастополя как города, порта, крепости и военно-морской базы, поскольку именно по данному вопросу ни одна из спорящих сторон не обнаружила даже элементарной исторической и правовой осведомленности, опубликовав в СМИ совершенно безграмотные по своему фактическому содержанию сведения¹. Но прежде, чем перейти к изложению всей суммы фактов, касающихся нашей темы, следует обратить внимание на одно важное обстоятельство, которое все заинтересованные стороны, как правило, либо упускают из виду, либо сознательно игнорируют.

Дело в том, что рассмотрение любых территориальных вопросов предполагает, что при их анализе и решении следует в первую очередь учитывать исторически сложившуюся фактическую и правовую ситуацию в целом, а не исходить лишь из волюнтаристски-политических мотивов, продиктованных конъюнктурой последнего

* Независимый эксперт.

времени, или из самых последних по времени юридических документов.

Принципиальная политика — это единственно правильная политика, а она может исходить только из учета постоянно действующих факторов и опыта прошлого.

Только при этом условии те или иные решения будут обладать и формально-юридической легитимностью, и необходимой фактической силой, и, следовательно, будут прочны, не потребуют нового пересмотра при изменении соотношения сил как спорящих сторон, так и на мировой арене.

В связи с этим прямая обязанность и задача правовой и исторической экспертизы состоит в том, чтобы ясно, точно и нелицеприятно указать на ошибочность тех или иных решений в прошлом, чтобы максимально очистить вопрос от любых натяжек и содействовать тем самым восстановлению правовой и исторической справедливости.

Это тем более важно соблюдать, так как в последнее время обнаруживается тенденция при решении сложных вопросов ради их формального «упрощения» ограничиваться рассмотрением лишь тех правовых актов, которые относятся лишь только к настоящему времени, но не к прошлому. Такой подход правомерен лишь при рассмотрении вопросов гражданского и уголовного права, но абсолютно неприемлем и противопоказан при анализе международно-правовых и государственно-правовых территориальных проблем, которые могут быть объективно освещены, да и вообще правильно поняты, лишь с историко-правовых позиций, лишь с учетом историко-правовых прецедентов. Ибо в области территориальных вопросов *длительность сохранения* любым объектом определенного *правового статуса* приобретает значение *решающего аргумента*.

* * *

А теперь перейдем к изложению фактической стороны вопроса, к истории административного подчинения и государственного правового статуса города, порта, крепости и военно-морской базы Севастополя.

Севастополь в переводе с греческого — «знаменитый город». Место это было заселено с глубокой древности: за 500 лет до н.э. здесь была основана греческая колония — город-республика Херсонес. Для этого были существенные причины: нигде более на Крымском полуострове, да и на всем Черноморском побережье не было такой удобной бухты.

В 112 году до н.э. город вошел в Понтийско-Боспорское государство, затем — вместе с ним в Римскую империю, а после ее

разделения — в Византию и стал центром управления византийских черноморских колоний, торгово-промышленным городом. Именно как таковой он стал известен русским князьям IX—XIII веков под именем Корсуня. В XIV—XV веках он был завоеван вместе с остальным Крымом турками и утратил всякое значение: ибо ни как порт, ни как город турок он не интересовал. Административными центрами Крымского ханства стали поселения в центре Крымского полуострова, а не портовые города. Столицей ханов был Бахчисарай, другими центрами были Ак-Мечеть (позднее, с 1784 г., — Симферополь), а также Карасубазар — все вдали от моря. А рядом с развалинами Херсонеса-Корсуни за все 350 лет татаро-турецкого владычества возникла лишь небольшая деревушка Ахтиар.

Именно ее и распорядилась Екатерина II после завоевания Крыма в 1783 году превратить в город, построив его на месте этой деревни и назвав Севастополем. Тогда же было начато привлечение греков из Турецкой империи для заселения Крыма и Севастополя.

Спустя четыре года была решена и судьба Севастополя — он был безоговорочно превращен в военно-морской порт, а гражданское административное управление Крымом перенесено в Симферополь. Тем самым уже с 1787 года Севастополь, хотя и располагавший всего 3 линейными кораблями и 12 фрегатами парусного флота, был выделен, отделен от местного областного подчинения Таврической области и фактически причислен к имперским военно-морским портам, подчиненным непосредственно Петербургу. В 1789 году тут было сформировано портовое управление, в 1804 году — главное управление Черноморского флота, а с назначением адмирала Ушакова начальником флота и порта развернуто большое военно-морское и крепостное фортификационное строительство. С 30 апреля 1809 г. Севастополь был объявлен главной черноморской крепостью и в нем стал подниматься особый крепостной флаг, одинаковый с крепостными флагами имперского значения в Кронштадте, Выборге, Свеаборге.

С 1834 г. Николай I утвердил план строительства оборонительной линии вокруг Севастополя, с моря и с суши, но в 1837 году при личном осмотре Севастополя и начатых работ изменил план в сторону его расширения, так что длина проектируемой линии обороны увеличилась на 7 км и один дополнительный бастион (восьмой). Ассигнованные денежные средства, однако, разрывовались интендантством, и работы шли медленно. Так что к началу Крымской войны была завершена лишь линия обороны с моря, но с сухопутной стороны город остался без прикрытия.

Англо-французская осада Севастополя, продолжавшаяся 349 дней, превратила город в развалины, фактически уничтожив его, а

вместе с ним и весь Черноморский флот России, затопленный на рейде.

По Парижскому миру 1856 года России было запрещено держать флот в Севастополе, и он до 1871 года был превращен в торговый город и таможенную станцию. В 1871 году, после отмены Парижского мира, царь Александр II подписал указ о восстановлении Севастополя как главного военно-морского порта России на Черном море. Но практически фортификационные работы были начаты только в середине 80-х годов XIX в. И лишь в 1890 году повелением царя от 17 мая Севастополь получил статус крепости 3-го класса, а спустя год, 30 апреля 1891 г., в нем вновь был поднят крепостной флаг. Наконец, спустя два года было формально полностью завершено определение имперского статуса Севастополя как крепости, города и порта: 26 июля 1893 г. для него был утвержден особый герб, резко, принципиально отличавшийся от всех других городских гербов тем, что его структура и эмблемы были не городского и тем более не обычного губернского или областного, а явно имперского, то есть **общегосударственного значения**: щит — красного, регального цвета, как и у Москвы, за щитом — два скрещенных золотых якоря, как у крупных портовых городов, например у Петербурга, а в качестве эмблемы — грифон, то есть родовая гербовая эмблема дома Романовых, причем с обратными финифтями (цветом) — у Романовых красный грифон на серебряном поле, а у Севастополя — серебряный грифон на красном поле, что означает особую историческую преемственность, то есть преемственность не биологическую, родовую, династическую, а преемственность в силу государственной истории, в силу особых военно-исторических государственных связей, прочно соединивших историю конкретного города с историей Российского государства.

Чем же объяснялось наделение Севастополя в конце XIX века таким особым знаком, устанавливающим его имперский статус? И почему он получал его, несмотря на то что был крепостью 3-го класса?

В начале XX века крепостями считались следующие пункты Российской империи:

на Балтике: Мемель, Либава, Свеаборг, Выборг, Усть-Двинск (Динамюнде), Кронштадт;

на Черноморье: Севастополь, Керчь, Очаков, Михайловская (Батум);

на Тихом океане: Порт-Артур.

Из них только *Свеаборг*, *Кронштадт* и *Порт-Артур* могли быть причислены к крепостям 1-го класса, да и то в силу их исторического значения и в меньшей степени в силу оснащенности

укреплениями и артиллерией. Но на Черном море дело вообще обстояло плохо: единственной начавшей заново сооружаться крепостью был *Севастополь*, укрепления которого к этому времени не давали ему основания стать крепостью выше 3-го класса, и класс крепостей оценивался не по их стратегическому или политическому значению, а исключительно по уровню фортификационно-технического оснащения. В то же время реальное стратегическое значение Севастополя, то есть его порта, его местоположения, было для всей России исключительно важным: он был единственным серьезным оборонительным укреплением государства на его крайнем южном морском рубеже. И именно на это обстоятельство должен был указывать герб, ибо это было характерное, типичное и стабильное положение для данного порта и города, независимо от технического уровня (ранга, класса) его укреплений на какую-либо конкретную дату или период его существования.

Именно этим подчеркивалось общеимперское значение Севастополя как города и порта, значимого для всей России, а не для какой-то одной губернии или региона.

Показательно, что во время гражданской войны это значение Севастополя признавалось всеми противоборствующими сторонами. Так, Врангель отказался подчиняться Деникину и помогать ему в походе на Москву, поскольку тот не тянул на ранг правителя России, ибо владел лишь областным (Екатеринодар) и окружным (Ростов-на-Дону) городами, да притом не коренными российскими, а периферийными казачьими центрами, в то время как у Врангеля был коренной российский имперский город, каким считался Севастополь, сделанный им столицей последнего белогвардейского региона, претендующего на всероссийскую имперскую власть. Именно опираясь на эти формальные основания, Врангель отказался от предложения Англии отделить Крым от России и преобразовать его в отдельную буржуазную республику под гарантии Антанты и при отказе от борьбы с Советской Россией, а демонстративно назвал свои вооруженные силы «Русской Армией», а свое правительство — «Правительством Юга России», поскольку и Севастополь, и Крым, и прилегающая к Черному и Азовскому морям территория от Тирасполя до Сочи официально считались Новороссией и никогда в истории не имели никакого отношения к Украине. Выгнав Врангеля из Крыма, советская власть постановлением ВЦИК от 18 октября 1921 г. образовали из этого полуострова *Крымскую автономную республику* в составе РСФСР². Это объяснялось тем, что 65% населения Крыма, то есть две трети, было русским, но одна треть состояла из народов, поселившихся здесь до **русских** и составлявших **коренное население Крыма**. Специфика состава этого населения, его национальное многообразие и тесная

связь национального состава различных групп с определенными хозяйственными функциями — все это придавало Крыму особый характер, требовало проведения крайне дифференцированной национальной политики в этом специфическом районе. Именно это обстоятельство послужило причиной того, что была создана сразу **автономная республика**, а не область. Автономия эта давалась не одному какому-либо народу, а сразу нескольким. Неверно мнение, что это была якобы татарская автономия. Нет, это была одновременно автономия **крымских татар (14%), греков (9%), караимов (вместе с евреями) (7%) и потомков древних готов (вместе с немцами) (3%)**. Крым должен был стать и стал уже к концу 20-х годов образцом решения национального вопроса в СССР, своеобразной витриной дружбы народов в Советской России. Именно поэтому ни у кого в 20-х и 30-х годах не могло даже возникнуть и мысли о соединении Крыма с Украиной, ибо это означало бы, так сказать, на корню загубить идею дружбы народов³. Ни для кого ни в царской, ни в советской России не было секретом, что именно на Украине процветает самый махровый национализм и антисемитизм, и это было не только подтверждено, но и резко подчеркнуто всей последующей историей: нигде, кроме Украины, так не свирепствовали националисты, оставившие кровавые следы и ставшие нарицательными: махновщина, петлюровщина, бандеровцы, оуновцы затмевали в своем национализме и зверствах даже гитлеровских эс-совцев, в войска которых они входили в качестве карателей. Вот почему **многонациональный Крым мог входить только в РСФСР** и, более того, должен был находиться под непосредственным контролем Москвы.

Могут спросить: какое же это имеет отношение к статусу Севастополя? Самое непосредственное, но не в юридическом смысле, а по существу, поскольку для первого периода советской власти подход к решению любого вопроса по существу был важнее и обычнее, чем его юридическое оформление, чем сооружение каких-то правовых рамок.

Поскольку одним из *главных местных крымских вопросов* стал с 1921 года вопрос о проведении *образцовой национальной политики*, то столицей Крыма был сделан город Симферополь, лежавший в центре полуострова. *Севастополь* же, население которого состояло почти исключительно из русских и *не имевший никакого отношения к местным проблемам*, стал фактически объектом внимания военно-морского ведомства Союза ССР как в смысле финансирования, так и в смысле кадрового состава населения. В конце концов он стал полужакрытым, а потом и почти совсем закрытым городом, то есть его основной функцией стало быть тем, чем он был и в царской России, — **главной военно-морской базой Черноморского флота**, главной сторожевой точкой на юге России.

После Отечественной войны это особое положение Севастополя было, наконец, юридически закреплено: в 1948 году он был *выделен в город республиканского подчинения*, что резко отличало его статус по сравнению с другими городами не только Крыма, но и всего Союза ССР⁴. Столица Крыма город Симферополь оставался городом областного подчинения, а Севастополь ставился на одну доску с Москвой и Ленинградом, ибо только эти три города были в 1948 году в РСФСР городами республиканского подчинения. Но, приняв такое давно фактически сложившееся и исторически справедливое юридическое оформление веками существовавшего статуса Севастополя, об этом никого не оповещали и в народе, среди общественности этого факта не пропагандировали, а после смерти Сталина и вообще забыли. Забыли даже члены руководящей группы страны, особенно те, кто ни военными, ни внешнеполитическими, ни большими государственными вопросами не занимался, а работал больше в сфере сельского хозяйства и прочих бытовых проблем. Вот почему при волюнтаристском решении в феврале 1954 года вопрос о передаче Крыма Украине об особом положении Севастополя просто позабыли и *передали его вместе с Крымом*, хотя к Крыму он формально уже не относился и *вопрос о нем*, строго говоря, *надо было решать особо* и уж если передавать его, то особо оформленным государственным актом, то есть отдельным указом Президиума Верховного Совета СССР. Но об этом никто не вспомнил, никто не обратил на это внимания, никто не оговорил этот факт; и он — совершился тихо. А уже спустя пару недель, а именно 1 марта 1954 г., был опубликован официальный справочник «СССР. Административно-территориальное деление союзных республик», издание восьмое, причем его издателем был не кто-нибудь, а Информационно-статистический отдел при Президиуме ВС СССР, т.е. орган, призванный следить за правильностью административных актов. Но он был органом в это время только тупо штемпелюющим. И потому он проштемпелевал на стр. 208: «Крымская область, г. Симферополь», а на стр. 209: «гор. Севастополь, выделен в город республиканского подчинения в 1948 г.», то есть бездумно, слово в слово повторил формулировку предыдущего издания справочника, но с той разницей, что все сведения о Крыме и вместе с ним о Севастополе были перемещены из раздела о РСФСР в раздел об УССР, причем все это было сделано чисто механически, бездумно. Ведь в 1948 году Севастополь был выделен в число городов республиканского подчинения РСФСР, а в 1954 году в УССР его никто формально не переводил, и поэтому указание на 1948 год с одновременным перемещением Севастополя в подчинение УССР было просто глупым, бессмысленным, несуразным. Но и этой ошибки никто не заметил, в том числе и ее публикаторы. Следовательно, занимались этим важнейшим государственным

ным делом не политики, оно было передоверено мелким клеркам. *И уже одно это обстоятельство делает данное решение юридически незаконным по признакам явной халатности и некомпетентности.*

Но шли годы, менялись у кормила власти очередные хозяйственники, сельскохозяйственники и кукурузники, а ошибка не исправлялась, а углублялась, причем настолько, что ее уже трудно было исправить, ибо создавались уже тому юридические, формальные препятствия.

В 1965 году Севастополю было присвоено звание города-героя, вручены орден Ленина и медаль «Золотая звезда», причем *указом Президиума ВС СССР, но никакого вывода из того факта, что город имеет не украинское, а фактически всесоюзное значение, не последовало*, а в 1967 году в очередном издании административного справочника СССР он вновь был помещен в разделе УССР с той же формулировкой — город республиканского подчинения с 1948 года, хотя республике Украине он с 1948 года не подчинялся!

Прошло еще десять лет, и была принята брежневская конституция 1978 года. В ней наконец было формально прописано в ст. 77 (Конституция УССР от 20 апреля 1978 г.), что городами республиканского подчинения являются для Украины — Киев и Севастополь, то есть через четверть века ошибка была не только не исправлена, но и закреплена юридически, так сказать, «бесповоротно». На то, что это формально и смешно, никто не обратил внимания, ибо, как объясняет ныне мэр Одессы Э. Гурвиц, «никто и в дурном сне не мог тогда увидеть, что империя рухнет», то есть смотрели на все как на несерьезную игру, ибо советская принадлежность не менялась, подчинялся ли город Украине или РСФСР. И это, конечно, психологически верно передает ситуацию.

Но если это так, с чем должны быть согласны все, то, следовательно, формальное юридическое закрепление Севастополя за Украиной — просто несерьезно и ныне, когда реальности изменились, надо вернуться к реальному исходному положению, сложившемуся веками исторически: Севастополь принадлежал 200 лет России и последние формальные четверть века принадлежности его к Украине не вправе коренным образом изменить его историю, ибо это противоестественно, абсурдно. Зачем нужен этот суперпорт для небольшой, бедной, находящейся в тяжелом экономическом положении страны? Стать для нее новой тяжелой обузой? И экономически, и политически? Ведь нельзя же серьезно говорить об украинском военно-морском флоте. Для этого у страны начисто отсутствуют исторические традиции. А начинать подобное дело с нуля — просто опрометчиво, несерьезно. Да и понятие «украинский флот» звучит для специалистов флота в любых странах так же

неестественно, как монгольский морской флот или флот Боливии или Непала. Один шведский моряк и бывший дипломат сказал мне, что, несмотря на то что шведы очень уважают украинцев со времен Мазепы как союзников, все же они не могут себе представить их в роли морской державы и поэтому выражение «украинский военноморской флот» звучит для истинно морских наций примерно так же абсурдно, как выражение «конная авиация».

Все это, конечно, эмоции, несколько освещающие общую несуразность сложившейся ситуации, но есть и действительно крайне серьезные основания считать весь крымский вопрос в целом и вопрос о Севастополе в особенности подлежащими полному пересмотру, причем в пользу России, ибо это единственно возможное принципиальное решение. Все остальное — зыбко!

Возьмем, например, вопрос о разделе Черноморского флота, который ныне на правительственном уровне в обеих странах принято считать возможным решать отдельно и полюбовно, мирно. Каждый подлинно объективный и компетентный морской специалист скажет, что вопрос этот — нерешаемый. Это значит, что он не подлежит удовлетворительному разрешению, не может быть решен. Для этого достаточно обратиться к скандинавским, финским морским специалистам. Они не станут кривить душой. Но как в российских, так и в украинских официальных инстанциях не желают и слышать об объективных мнениях независимых экспертов. Обе стороны заявляют, что будут решать вопрос о разделе, причем его, разумеется, в принципе будут решать отдельно наверху, а затем — технически отдельно — на уровне военных клерков. Что из этого получится, можем себе представить на примере решения советскими кругами вопроса о статусе Севастополя: проблему окончательно заведут в тупик, то есть она будет «решена» так, что выходом из нее может стать лишь война или вооруженный конфликт. И это — бесспорно, ибо проблема не имеет решения в форме «раздела». Но наши «верхи», знающие только «верхушки», этого понять не могут. Почему? Потому что не знают и не понимают фактов: исторических, политических, стратегических, морских, технических — любых. Как уже упоминалось выше, Севастополь — бухта уникальная. Здесь в береговую линию южного побережья Крыма вдается залив протяженностью 4 мили и шириной в $1\frac{1}{2}$ мили, то есть 28 х 3,5 км. Это прекрасная естественная морская гавань, имеющая при входе глубину 21,5 м, на большей части рейда — 18—19 м, а у берегов — 8—9,5 м, как будто ее специально готовили для стоянки современных военных судов. Более того, грунт бухты не каменистый, как всюду на Черноморском побережье, а ил — очень удобный для якорной стоянки. В довершение благоприятных условий бухта открыта только западным ветрам, а морское волнение во

время штормов естественно гасится рифами у входа в бухту. От обоих берегов бухты в нее вдаются небольшие мысы, образующие как бы обособленные заливчики-бухточки, создающие условия для специализации их к роду различных кораблей и ремонтного обслуживания. В них располагаются: элинги, сухие и гидравлические доки, верфи, плавучие краны и т.д. Всего основных частей Севастопольского морского и военного порта — четыре: Артиллерийская, Южная, Корабельная и Киленбалочная бухты. Все они функционально связаны друг с другом и не могут быть отделены одна от другой. Это — единое целое, прочно сложившееся за последние 100—150 лет. Оно неделимо и неотделимо одно от другого. Более того, хрупкость пород береговой линии не дает возможности возводить на ней дополнительные искусственные инженерные сооружения из современных материалов. Иными словами, Севастопольскую бухту нельзя ни расширить, ни достроить, ни поделить, ее можно только либо сохранить, либо разрушить, если уж стороны в ожесточении решат, чтобы она не досталась ни тому ни другому. Следовательно, любая попытка разделить Севастопольскую бухту означает гибель, уничтожение ее. Разве можно разделить прекрасную фарфоровую вазу, не раздробив ее в куски, никому не нужные?

Но, допустим даже, что всю ее передадут России, а вокруг будет украинская крымская территория. Решает ли это главную проблему — вопрос о безопасности России и всего Крымского полуострова, а также проблему безопасности Украины с точки зрения ее военных и политических кругов, стоящих на позициях национализма? Нет, к сожалению, не решает стабильно, а лишь несколько «смягчает» сегодняшнюю конъюнктурную остроту проблемы, сочетания безопасности двух стран. В перспективе же и такое «половинчатое» или «частичное» решение крымской проблемы создает новые сложности. Дело в том, что русская военно-морская база на украинском Крымском полуострове очень будет напоминать ситуацию с американской базой в Гуантанамо на Кубе.

Если учесть политическую обстановку на Украине и внешнеполитическую ориентацию этой страны на Западную Германию, США, а также ее военную доктрину, предусматривающую обязательное вступление страны в НАТО, то наличие русской базы в Севастополе будет постоянным удобным предлогом для украинских националистов и «ястребов» бряцать оружием, строить всевозможные провокации в отношении России, то есть создавать обстановку националистического шовинистского психоза внутри Украины и в Восточной Европе.

Более того, украинская дипломатия настойчиво "пробивает" вопрос о закреплении Севастополя за Украиной через международные организации, пытаясь заручиться их поддержкой и тем самым

"вывести" этот вопрос вообще из сферы российско-украинских отношений. Российская же дипломатия совершенно не учитывает всех тяжких последствий такой позиции Украины.

Так, в июле 1993 г., когда в России президент был увлечен разборками с внутривластными противниками, наше родное правительство "проспало" жалобу Украины на Россию в Совет Безопасности ООН и *допустило* принятие его резолюции, осуждающей и лишаящей юридической силы попытку тогдашней Думы (в Белом доме!) заявить о непризнании украинских претензий на Севастополь. Думали, что этим... ударят по Хасбулатову! И упустили по близорукости важный внешнеполитический шанс. А Украина им воспользовалась!

Для любого историка, хорошо знакомого с историей Украины и особенно с периодами ее «самостийности», несомненно, что любые нынешние и будущие украинские власти превратят «севастопольскую базу» в источник перманентной напряженности в русско-украинских отношениях, в удобный постоянный предлог для отвлечения внимания украинцев от внутренних проблем своей страны и для переключения «паров» против «москалей». Что так и будет — это аксиома. Если бы украинские политики были иными, у Украины за 1000 лет сложилась бы своя государственность. Однако, несмотря на помощь в этом отношении со стороны России, с крепостью государственных устоев украинской державы что-то не клеится. И это понятно. Достаточно прочитать самый проукраинский, самый националистический, а не какой-нибудь «москальский» или «большевистский» труд по истории Украины, а именно двухтомник Н.Д. Полоньской-Василенко-Моргун, бывшей сотрудницы АН УССР, бежавшей в 1944 году из Киева вместе с гитлеровцами, существовавшей и писавшей на средства бандеровцев и эсэсовцев в Мюнхене и ныне провозглашенной лучшим историком Украины всех времен. Независимо, разумеется, от своего желания эта несомненно талантливая женщина убедительно показала, что состоящая исторически из семи-восьми кусков Украина никогда не была способна на национальное единство и уж если достигала его в какие-то короткие периоды, то лишь под лозунгами войны с Россией. Без России как «пугала» для введения в заблуждение простого народа, Украина не сможет практически существовать как государство, равно как и без опоры на любого противника России в Европе и без ориентации на западные великие державы. Дух Мазепы жив и официально оправдывается по сию пору. Но им и исчерпывается «государственная мудрость» украинских лидеров.

Вот почему крымский вопрос должен решаться не частично, а целиком, то есть весь Крымский полуостров должен быть возвращен России, чтобы раз и навсегда снять этот вопрос из русско-украинских отношений и дать шанс украинской политической элите создать

украинское государство на позитивной базе строительства мирного государства, дружественного России, а не уповать на то, что такое государство может быть прочно создано, если постоянно находиться «на грани войны» с Россией и идеологически и психологически воспитывать свой народ в «исторической ненависти к москалям». «Цей шлях від Кия до Кравчука веде в нікуда».

Итак, резюмируем вышеизложенные факты.

Во-первых, все историческое развитие Севастополя в составе России и Советского Союза в течение 200 лет с момента его основания шло как развитие русской военно-морской базы и центра управления Черноморским флотом. Город вообще был основан прежде (1783 г.), чем была организована Таврическая область и установлена ее администрация (1784 г.).

Во-вторых, как в административной системе царской России, так и в Советском Союзе Севастополь занимал исключительное, особое положение по сравнению с остальным Крымом и другими городами страны. В царское время это было правовым и геральдическим образом оформлено в имперских законах, к концу XIX века (1891—1893 гг.) в СССР это было юридически закреплено после Великой Отечественной войны в конституции РСФСР (1948 г.). К Украине Севастополь ни в течение своей дореволюционной истории, ни в советское время не имел абсолютно никакого отношения.

В-третьих, частичное решение вопроса о принадлежности Севастополя России является шагом на пути к восстановлению исторической и правовой справедливости, но с принципиальной точки зрения может рассматриваться лишь как паллиатив.

В-четвертых, вопрос о том или ином разделе Севастопольской военно-морской базы и тем самым Севастопольской бухты не может быть признан возможным и серьезным, ибо ни политически, ни технически нерешаем, то есть не может привести к удовлетворительному решению вообще. Он может лишь послужить перманентным яблоком раздора между Россией и Украиной.

В-пятых, принципиальным решением русско-украинских противоречий в крымском вопросе может быть лишь возвращение Крыма целиком России. Такое решение снимает в корне все русско-украинские противоречия и является залогом прочных, мирных русско-украинских отношений в будущем¹.

¹ Некомпетентность и склонность к сенсациям, а также стремление «услужить» начальству со стороны отдельных журналистов дискредитируют российские государственные позиции. Так, в «Доме и Отечестве» (№ 23, от 14—20 сентября 1996 г.) в небольшой заметке А. Папушина «У столичного мэра особое мнение» сделаны сразу *четыре* фактические ошибки: 1) о не существующем никогда в СССР *союзном* подчинении

городов; 2) о якобы тождественности статуса Севастополя в 1948 и 1954 годах; 3) о якобы упущении оговорки о Севастополе в декабре 1991 года. Тогда надо было решать вопрос о недопущении передачи Украине *всего Крыма*, о чем опять-таки «забыли» по невежеству. Все это спровоцировало украинские СМИ на резкую отповедь, выставило российскую позицию в глазах читателей в самом неприглядном виде и, главное, тем самым увело всю дискуссию от существа вопроса. Такова цена вмешательства невежд в дела, о которых они не имеют никакого представления.

² Примечательно, что название декрета, подписанного В.И. Лениным, об автономии Крыма было следующим: «Об образовании Автономной Крымской Советской Социалистической Республики, как части РСФСР в границах Крымского полуострова».

³ Не следует забывать, что Крым в составе Украины был лишен всякой автономии с 1954 г. Это считалась просто *Крымская область*, как Житомирская, Полтавская и т.д.

⁴ В СССР не существовало статуса городов **союзного подчинения**. Высшим рангом (разрядом) был статус города **республиканского подчинения** (на уровне союзной республики). Этот статус присваивался в сталинскую эпоху крайне редко и строго индивидуально, в силу конкретно складывающихся историко-политических причин (т.е. либо военного, экономического, культурно-политического значения, либо за исторические и революционные заслуги).

Так впервые этот ранг был присвоен:

Москве — 16 июня 1931 г. особым постановлением Президиума ЦИК СССР;

Ленинграду — 3 декабря 1931 г. постановлением Президиума ВЦИК РСФСР;

Ташкенту — в 1943 году Указом Президиума Верховного Совета СССР;

Минску — 14 мая 1946 г. Указом Президиума Верховного Совета БССР;

Севастополю — в 1948 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР.

После 1948 года индивидуального присвоения ранга города **республиканского подчинения** не производилось вообще!

С 1 марта 1954 г. все *столицы союзных республик* независимо от численности населения, экономического потенциала, стратегического и культурного значения циркулярным распоряжением ЦСУ СССР были отнесены к городам республиканского подчинения, так сказать, *по должности*, то есть *автоматически*. Это было одним из симптомов *бюрократизации советского управления*, таким же как и раздача орденов не за конкретные заслуги, а *за выслугу лет*, к очередному юбилею.

Таким образом, Севастополь был последним городом в СССР, получившим свой ранг «республиканского» за фактические заслуги, за свое фактическое стратегическое значение. Он был поставлен на одну доску с крупнейшими и важнейшими городами страны — одним из первой пятерки. Все это резко подчеркивало не местное, региональное, а общегосударственное значение Севастополя, выделяло его из тысячи провинциальных городов.

Статья поступила в редакцию 1 декабря 1996 г.